

ЗАКОНЫ ДАРХА

1. Дарх дает силы только одному.
2. Дарх несет боль всем, кто с ним соприкоснется. Но самую большую боль он причиняет тому, кто его носит.
3. Дарх вселяет ужас во врагов.
4. Дарх обжигает взгляд стражу Света и завораживает смертного переливами своих граней.
5. Дарх не должен соприкасаться с крыльями стражей Света.
6. В дархе должен быть хотя бы один эйдос. Опустевший дарх заберет собственный эйдос того, кто его носит.
7. Дарх дарит вечность, но эта вечность подобна смерти.
8. Дарх останавливает внутренний рост и уничтожает все хорошие задатки. Кто-то может сопротивляться веками, но финал предопределен.
9. Дарх поработает своего хозяина, если он слабее его. Но даже если хозяин сильнее, он все равно поработает его.
10. Темный страж, лишившийся дарха, лишается вечности.
11. Дарх не должен достаться Свету.

КОДЕКС ВАЛЬКИРИЙ

1. Валькирия не должна использовать свои возможности в собственных интересах.

2. Никто из прежних знакомых валькирии не узнает ее. Валькирия не должна открывать никому тайны. Иначе тайна защитит себя сама и всякий услышавший ее умрет.

3. Валькирия должна держать под контролем свои звериные и птичьи воплощения.

4. Валькирия должна любить всех одинаково, никого не выделяя, и не может быть счастлива в любви. Того, кто полюбит ее, ждет гибель.

5. Валькирия должна принять брошенный ей вызов. Кем бы и при каких обстоятельствах он ни был брошен.

6. Валькирию, которая нарушит любое из правил, ждет Суд Двенадцати.

Жили-были три цыпленка:
Як, Як-Цыдрак, Як-Цыдрак-Цыдрони.
Жили-были три цып-цыпки:
Цыпа, Цыпа-Дрипа, Цыпа-Дрипа-Лимпомпони.
Вот женился Як на Цыпе,
Як-Цыдрак на Цыпе-Дрипе,
Як-Цыдрак-Цыдрони на Цыпе-Дрипе-Лимпомпони.
Родилось у них по сыну:
У Яка с Цыпой — Шах;
У Як-Цыдрак с Цыпой Дрипой — Шах-Шарах.
У Як-Цыдрак-Цыдрони с Цыпой-Дрипой
Лимпомпони — Шах-Шарах-Шарони.

Скороговорка

Глава 1

РУНА ВЫПОТРОШЕННОГО ШКОЛЯРА

Когда зло сражается с добром, это еще понятно. Но не это высший пилотаж. Высший пилотаж — это стравить добро с добром и, стоя в сторонке, стричь купоны.

Книга серости

— **М**ефодий, мальчик мой! У меня для тебя прекрасная новость! — бодро сказал Арей.

Буслаев взглянул на мечника с тревогой. Сколько он себя помнил, всякий раз, когда глава русского отдела Мрака так говорил, прекрасной новостью оказывалась только с точки зрения Арея.

— Тебе уже четырнадцать. Ты перешел в треть, едва ли не главное семилетие жизни — с четырнадцати лет до двадцати одного года. Важный

Дмитрий Емец

рубеж для мужчины. Ты перестал быть мальчиком и стал юношей. Ощущаешь?

Меф заверил, что ощущает. Арей прищурился. В правом глазу зажглась голубоватая мертвая искра.

— Прекрасный возраст, чтобы принести свой первый эйдос! — лукаво продолжал мечник.

Сколотый зуб привычно царапнул язык. Право, если бы зуб был целый, стоило бы повторить печальный опыт и отбить у него край еще раз. Скол успокаивал, позволял взять паузу.

— Что? Первый эйдос? Разве это не комиссионеры должны... — начал Меф.

Арей, не дослушав, махнул рукой.

— Ну да... да... Обычно эйдосы приносят нам комиссионеры, наши верные псы, но первый эйдос — это другое. Он больше, чем просто трофейный эйдос. Это ритуал посвящения. Гарантия того, что ты служишь Мраку, а не тете Зине из магазина. Он станет первым эйдосом в дархе, который тебе предстоит завести в день, когда тебе исполнится восемнадцать.

— Мне предстоит завести дарх? — ужаснулся Меф, глядя на серебристую сосульку на шее у Арея.

Ощутив, что на него смотрят, дарх повернулся и заиграл змеистой гранью, которая закручивалась спиралью, как елочная игрушка. Глаза Мефа обо-

жгло точно паром. Смотреть на дарх было больно, прикасаться к нему мучительно. Но и Арею, как ни дорожил он дархом, тоже было с ним непросто. Иногда Меф видел на шее мечника, вокруг цепи, на которой висел дарх, капли крови. Дарх растекался, полз по цепи и слизывал их.

Улиту ее дарх мучил чуть меньше. В нем находилось меньше эйдосов, и он был слабее. Зато ночами дарх Улиты обожал переползать ведьме на шею и, обвивая ее как змея, пульсировал в такт ударам пульса. «Знает, пиявка гадская, что я полнокровная!» — говорила ведьма.

— Да, синьор помидор... Предстоит. А как иначе? Так было и со мной когда-то. Первый эйдос — это как первая охота. Только после нее ты становишься полноправным стражем. Докажи, что ты волк, а не кролик, палач, а не жертва.

Меф подумал про себя, что карьера палача его не очень прельщает. Если Мраку нужен палач, почему он не выбрал какого-нибудь придурка из тех, кто вешает кошек в темном тупике за школой или пускает в пруд пойманную рыбу, забив ей в жабры спичку? А сколько редкостных интеллектуалов гоняются с зажигалкой за ползущим по стволу жуком, любуясь, как у него сворачиваются от огня задние лапки, а жук все пытается удрать, наивный! Называется эта картина «Героическая смерть жука-пожарника». И самое скверное, что

Дмитрий Емец

каждый, даже самый неплохой как будто человек, хотя бы однажды переходит по переброшенной доске этот провал садистического любопытства. Кто-то переходит, а кто-то и срывается.

Арей всматривался в Мефодия осторожно, чуть искоса, но зорко, как человек в метро в чужую книгу. И когда только этот тормоз перевернет страницу! Он что, по слогам читает? Хотя, рассуждая здраво, бумага в книге должна быть чистой и белой. Буквы отравляют воображение.

— А сейчас, Мефодий, я дам тебе фотографию... — продолжал Арей.

— Чью?

Арей оглянулся на пустое кресло:

— Минуту терпения, синьор помидор! В таком важном деле, как вручение фотографии первой жертвы, необходимо соблюсти все формальности. Для этого мне нужен еще один представитель Мрака!.. Прошу, Аида Плаховна!

Прежде чем Меф успел удивиться, в кресле появилась Мамзелькина. Она сидела здесь, видно, давно. В одной руке — большая кружка с медовухой, в другой — глиняная трубочка, клубящаяся дымком. Меф не помнил, чтобы он видел эту трубочку раньше.

Мамзелькина поклонилась Мефу и продолжила посасывать трубочку. Вступать в разговоры она

явно не собиралась, предпочитая роль немого свидетеля.

— Аида Плаховна, вы готовы? — официальным тоном спросил ее Арей.

— Я, как лапша быстрого приготовления, всегда готова, — отвечала Мамзелькина.

— Тогда не будем тянуть кота за аппендикс, как говорит Улита! Приступим!

Мечник придвинул к себе осколок мраморной плиты с клеймом Канцелярии Мрака и начертил на ней индивидуальную опознающую руну — нечто вроде личной подписи стража Мрака. Плита оплыла, как забытый на солнце шоколад, забурлила. На поверхность, как из трясины, стали подниматься пузырьки.

— Как видишь, брат Меф, никакого надувательства — сплошной лохотрон! — с усмешкой сказал Арей, жестом показывая Буслаеву, что нужно делать.

Стараясь, чтобы не было заметно, что он брезгует (брезгливость у стражей Мрака не поощрялась), Меф погрузил в камень руку и осторожно пошарил. На ощупь плита была вязкой и липкой, как кисель. Что это кольнуло ему палец? Ага, угол фотографии. Меф готов был поклясться, что снимок появился внутри плиты только что.

Меф достал его, расправил, стер грязь и, ощущая на себе взгляд Арея, стал изучать снимок.

Дмитрий Емец

Темные дуги бровей. Спокойная, ненапряженная улыбка, что вообще-то большая редкость для фото, где все вымученно ждут птичку, явно намереваясь сотворить с ней что-то нехорошее.

— Проклятье! — тихо сказал Меф. Он надеялся, что плита даст ему снимок кого-то другого. Кого ему не будет жаль.

— Ты что, знаешь ее? Видел раньше? — спросил Арей.

Плаховна и он уставились на Мефа с равным интересом.

— Да. Это девчонка-валькирия, — с усилием произнес Меф.

— *Которую ты не убил, хотя у тебя была возможность*, — вежливо напомнила Мамзелькина.

Меф смутился:

— Ну и у нее была... Но почему именно ее? Разве любой эйдос не подойдет?

— Для обычного стража подойдет. Но наследник Мрака — это нечто иное. Старт должен быть убедительным. По-моему, валькирия — это как раз то, что нужно. Тебя будут уважать, — сказал Арей.

— Думаете, она отдаст мне свой эйдос? Даже убей я ее — не отдаст. Силой же его не отнимешь, — начал Меф и замолчал, заметив, как Арей нетерпеливо нахмурился.

— Думай, синьор помидор, думай! Нытье и отговорки — для неудачников. У этих болванов нет времени побеждать. Свои дни они тратят на поиски причин, почему они ничего не сделали и кто им помешал.

Меф удрученно кивнул и еще раз посмотрел на снимок.

— Ты слышала? Мне нужен твой эйдос! — сказал он фотографии.

Девчонка продолжала улыбаться — спокойно и радостно. Либо фотография была обычной, неживающей, либо та, кого она запечатлела, никак не ждала от Мефа беды. Нет, все-таки в изгибе бровей этой валькирии есть что-то безумно знакомое! Что-то, что он видел многократно, к чему был привязан. Может, в школе, может, где-то еще, может, кто-то просто был похож на нее... Но почему же так ломит виски, когда он пытается вспомнить?

— Больше мы тебя не задерживаем. У вас нет к нему вопросов, Аида Плаховна? — спросил Арей.

— Есть. Где тут медовуха?

— Ну на этот вопрос я и сам отвечу, — сказал мечник, подходя к дубовому шкафу в углу кабинета.

Покинув кабинет Арея, Мефодий подошел к окну приемной. Январь медленно переползал в февраль. Настенный календарь с идиллическими

